

АЛЕКСАНДР СЕЛИН

ВИДЕО УНТЕРМЕНШН

Александр Геннадьевич Селин

Видео Унтерменшн

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5815771

Александр Селин Видеоунтерменшн: Агентство ФТМ, Лтд.; Москва;

2013

ISBN 978-5-4467-0028-8

Аннотация

Двум опальным работникам Центрального российского телеканала становится известно, почему телевидение завладевает вниманием и подчиняет умы всего населения нашей необъятной родины. Существует приспособление, с помощью которого можно зомбировать людей, внушая какие угодно мысли, идеи, мнения. И приспособлению этому уже больше тысячи лет. Кроме того, выясняется, что генеральный директор Центрального телевидения является прямым потомком князя Владимира Красно Солнышко, проводившего крещение на Руси. Он знает об этом приспособлении и пытается завладеть им во что бы то ни стало в канун 2000 года, во время всеобщего ожидания прихода мессии. Удастся ли главным героям романа разрушить планы «властителей эфира»? Ведь зло неистребимо, и телевидение, судя по всему, тоже...

Содержание

От издателей	5
Глава 1	8
Глава 2	32
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Селин

Видеоунтерменшн

Режиссёрам, сценаристам, операторам, художникам-постановщикам, композиторам, а также представителям других творческих профессий, мечтающих сделать карьеру на телевидении, посвящается...

От издателей

Автору романа «Видео Унтерменшн» Александру Селину пришлось довольно длительное время поработать на одном из главных каналов отечественного телевидения в качестве сценариста и режиссера. Ему удалось познать то, что происходит внутри замкнутого «элитарного» мира телевизионщиков, не по чьим-то рассказам или слухам, а в результате собственных наблюдений, что и нашло своё отражение в романе. Тем не менее эту работу ни в коем случае нельзя отнести к разряду публицистики. Роман художественный, написан хорошим литературным языком. В нем присутствует и детективная составляющая, и историческая, немного фантастики и сатиры. Однако отнести роман целиком к одному из перечисленных направлений было бы невозможно. Скорее всего, это внежанровая ироническая проза.

Действия происходят накануне знакового 2000-го года, связанного, по мнению многих, с появлением Второго Мессии, ожидаемого не только со страхом, но и с надеждами на лучшую жизнь. Поскольку телевизионщики тоже люди, да еще и несущие ответственность перед телезрителями за транслируемый видеоматериал, то возникшая напряженность в их среде в связи с Пришествием просто зашкаливает и мешает вернуться к здоровой логике, которой и в более спокойные времена обладали не все.

Автор обходится без штампов и общепринятых приёмов, например, не пытается ошарашить читателей с первых строк или даже с первой страницы. Не выполняет требований со-

временных редакторов о необходимом количестве любовных сцен или убийств. Отсутствуют супер-красавицы, супер-мемы и «хэппи энд». Но тем не менее выбранная тактика делает книгу интересной и самобытной. Не читиво для едущих в метро.

Александр Селин родился в городе Волжском Волгоградской области. Последние десятилетия живет и работает в Москве. Первое образование – физик. Второе – режиссер телевидения. Является автором многих повестей и рассказов, изданных в различных литературных журналах. Выпустил сборники, которые переведены на европейские языки.

И ещё о романе.

На вопрос: «Что побудило вас написать такое?», ответил: «Руки чесались».

Глава 1

Миссионеры

– Мое внимание уже давно обращено к России, Галина Васильевна. Именно эта страна стала для меня естественным павильоном, в котором есть все условия для того, чтобы создать грандиозное, самобытное кинополотно. В последние годы я обращался к трудам Достоевского, Толстого, Платонова, Бердяева, изучал феномен российской драматургии. И сделал вывод о том, с чем надо приходить в XXI век. Теперь я уверен, что, если режиссер желает создать переломное, новаторское произведение, то оно должно быть связано с Россией – страной, где духовность отодвигает на второй план плутократию и технологический рационализм. Те пласты в области человеческой психики, которые мне посчастливилось обнаружить, общаясь с россиянами, плюс достижения современной генетики подарили воображению такой обширный материал, что я принял решение: снимать нужно не кинофильм, а киносериал. Не мильонную оперу, не путайте! А дорогой, добротный киносериал, несмотря на то, что это необычно для Форда Копполы... И появиться в эфире он должен в грядущем 2000-м году. А что касается места для проведения съемок...

– Ну, хорошо, Френсис, – остановила его Галина Васи-

льевна, – а от нас-то вам чего нужно?

Френсису Форду Копполе нужно было эфирное время на Российском телеканале. Его сопродюсеры, которые нашли деньги для стосерийной кинематографической работы под названием «Неизвестная Россия», нуждались теперь в гарантиях, что этот сериал будет размещен в эфире. Однако администраторы Копполы после первых встреч с руководителями РосТВ Михаилом Леснером и Александром Апоковым так и не добились результатов. Леснер вообще не стал разговаривать, сказав, что не помнит, кто такой Коппола. Апоков же повел себя еще более странно. Весь разговор провел, держа перед лицом какую-то прямоугольную деревянную рамку, затем, осторожно поинтересовавшись, какие же будут «откаты» и, не получив немедленно ответа, срочно уехал, сославшись на то, что «забыл выключить дома утюг». Американцы и вправду не знали, что такое «откаты», и не смогли получить вразумительных объяснений у других сотрудников канала. И тогда Коппола решил появиться на Шаболовке собственной персоной, пребывая в уверенности, что уж его-то Апоков точно не проигнорирует.

И вот сейчас именитый режиссер сидел в приемной за столом, отделявшим его от редактора спецпрограмм Галины Васильевны Иквиной, и вдохновенно рассказывал о мотивах, побудивших к созданию такого огромного кинопроизведения. В кабинет «главного» они так и не вошли, поскольку Апоков забыл оставить ключи, а сам до сих пор не подъехал.

– Девочки, тише! – прикрикнула Галина Васильевна на двух других редакторш, которые отгадывали кроссворд за соседним столом. – Не видите, что ли, я с самим Копполой говорю?

Редакторши притихли. Время было позднее, так что все подустали и плохо себя контролировали.

– Ну, так что вам от нас-то нужно, Френсис? – улыбнулась Иквина. – Ничего, что я вас просто по имени называю?

– Да нет, ничего. Называйте как угодно, – смутился Коппола. – Мужчине в годах, наоборот, приятно, когда женщина обращается к нему по имени, как к молодому. В конце концов, не так уж важно, как называют. Суть любых переговоров в том, чтобы договориться. А вообще-то, не утруждая себя издержками дипломатии, могу сказать прямо, что нам нужно. Нам нужен эфир для сериала. Хорошее время на Российском канале.

– Я так и знала, Френсис, – всплеснула руками Иквина. – Я так и знала. Как вы только вошли, я сразу поняла: вам нужен эфир.

– Обидно, что такие люди приходят только тогда, когда им что-то нужно, – добавила Таня Вранович, не отрываясь от кроссворда. – Нет чтобы просто... в бар девушек пригласить, про Италию рассказать...

– Я вообще-то в Америке живу, – уточнил режиссер, – но могу рассказать и про Италию, если вам интересно. Более того, как только мы с вашим руководством договоримся обо

всем, беру на себя приятное обязательство – пригласить вас в хорошее заведение, где я вам расскажу и про Италию, и про все, что хотите.

Обе дамы за вторым столом тяжело вздохнули, услышав насчет «договориться с руководством», и опять сосредоточились на кроссвордах.

– Со сценарием киносериала вы, полагаю, уже ознакомились? – Коппола вновь обратился к Иквиной.

– И да, и нет, – ответила Галина Васильевна.

– То есть как это «и да, и нет»?

– То, что видела его, – это вроде бы да. А вот насчет того, что прочитала, я вам однозначного ответа дать не могу.

Коппола задумался, пытаясь вникнуть в смысл сказанного. «Не знает, прочитала или нет. Что она этим хочет сказать?» Ее ответ показался ему почти философским. «Может быть, она пыталась увидеть что-нибудь между строк и не смогла? Вряд ли там есть что-нибудь между строк. Это же сериал, а не эзоповские басни».

– О чем ваша работа? – спросила Иквина.

– Что вы сказали?

– Я спрашиваю, – Иквина повысила голос, – о чем ваш сериал?

Френсис Коппола чуть не охнул, услышав такой вопрос. Это был его любимый вопрос, который он задавал своим ученикам, вынуждая их тем самым приводить мысли в порядок. «Ну что ж, как бы там ни было, а она права, – подумал ре-

жиссер. – На правильные вопросы надо отвечать, ничего не поделаешь...»

– Это сага о русской семье, – начал он. – В исторической развертке, равной одному веку, рассматривается проблема традиций, генетической памяти и родственных уз на фоне общественных катаклизмов. Один старинный русский род дворянского происхождения был пресечен в результате кровавых событий Гражданской войны...

– Что-то уж больно длинно... – перебила его Иквина.

«Какая жесткая, – удивился Коппола. – Она хочет, чтобы я сформулировал короче. Ну что ж, попробую. Даже самому интересно...»

– Это киносериял о человеке. О нераскрытых сторонах человеческой психики и субстанциях доказывающих существование души. Несколько сюжетных линий, переплетающихся в финале, позволяют отразить современное представление о добре и зле. Для наглядности я приведу пример...

– Подождите, подождите, – опять перебила его Иквина, – а еноты у вас в сериале встречаются?

Коппола широко открыл глаза.

– Еноты?

– Да, еноты.

– Нет...

– Точно ни одного енота?

– Точно...

– А как называется ваш сериал?

– «Неизвестная Россия».

– Странно, – задумалась Иквина, – наш коллега, Алексей Владимирович Гусин, вроде бы читал и говорит, что этот сериал о жизни енотов. Хотя он у нас увлекающаяся творческая натура. Не может ни одно произведение в покое оставить. Обязательно нужно ему что-нибудь свое привнести. В «Братьев Карамазовых» ввел осетра как действующего героя... В «Капитанскую дочку» – привидение... Хотя, честно говоря, про енотов можно было бы что-нибудь и вставить. Они такие забавные, симпатичные... Ладно, поживем увидим. В общем, видела я вашу писанину, Фрэнсис. Прочитать руки не дошли, но на столе она у меня была. Да! Я ее в папку к Ольге Румянцевой положила на прочтение. Знаете Оленьку? Нет? Еще познакомитесь. Короче, первая серия того, что вы прислали, сейчас находится у нее.

– Там должны быть первые шесть серий, – мрачно проговорил Коппола.

– Шесть? Ну я не щупала на толщину, сколько там у вас бумаги: на пять или на шесть. Шесть – значит шесть. В общем, я все отдала Румянцевой. Она прочитает, а потом мы их вам вернем. У нас ничего не пропадает.

– Так мне рассказывать? – Коппола посмотрел на часы.

– Чего рассказывать?

– Общее содержание работы. Основную идею.

– Ну если вам так хочется, – улыбнулась Иквина. – Если это не долго, то можете рассказать. А если нет, то не надо.

Румянцева нам расскажет после прочтения.

– Но у нее же только первые шесть серий! – Коппола развел руками. – По ним, конечно, можно получить некоторое представление об образах героев, о стиле, о завязке, но чтобы ответить на вопрос: «о чем это?», я думаю...

– А сколько у вас там всего серий?

– Сто.

Галина Васильевна аж присвистнула.

– Ну ничего себе! Господи, и не лень было кому-то все это писать! Слышь, Тань, сто серий! Ну что ж с вами поделаешь, присылайте остальные девяносто четыре. Мы с удовольствием читаем. Только, пожалуйста, если можно, на следующей неделе. На этой у нас тут у всех перегруз.

– Ага! – вторая женщина отвлеклась от кроссворда. Это была Катя Гендель. – И не жалко тебе Румянцеву, Галь? Пусть уж лучше вкратце расскажет, раз пришел. А еще лучше... во! Какие-нибудь смешные места у вас там в сериале есть? Хоть посмеемся на ночь глядя.

– Точно! – обрадовалась Иквина. – Вспомните из вашего сериала какие-нибудь смешные места.

Френсис Форд Коппола вовсе не был расположен вспоминать смешные места. Его коллеги уже должны были подъехать к Шаболовке, поскольку не могли вызвонить его по телефону. Он слышал звонки из апоковского кабинета, но проникнуть туда не мог. Его же мобильный, который обычно без проблем связывался с любой точкой мира, вдруг внезапно

отказал, как только Коппола поднялся на административный этаж. Отказал третий раз в жизни. В первый раз это случилось в Иерусалиме, второй раз на Тибете. Тогда его спутник – непалец – по-своему объяснил причину неполадки: «Ничего удивительного. Мы пришли в священный храм». «Странно, – подумал режиссер. – Иерусалим, Тибет, а теперь Шаболовка».

– Ну что, есть у вас там смешные места? – повторила вопрос Иквина. – Не помните? Жаль. Тогда слушайте, девочки, я вам сейчас смешной случай из жизни расскажу! Был у меня один монтажер, звали его Юра. Ну такой рассеянный! Ботинки с него можно снять незаметно, когда он монтирует. У него еще с памятью было что-то не то. Все время путал, что за чем. Наливает чай, а сам еще не успел чашку поставить. А прикуривал знаете как? Сигарету в руке держит, в рот забыл вставить, а зажигалку в это время подносит к губам. Все время с обоженными губищами ходил. Вот с такими! – Галина Васильевна показала всем, в том числе и Копполе, с какими губищами ходил ее монтажер. – Ну и вот, значит, захотел как-то Юра в туалет, вышел из монтажной в коридор, а до туалета еще метров тридцать. Народ ходит. А Юра наш как-то по-своему задумался, забылся и при всех в коридоре ширинку расстегивать стал... Аха-ха-ха! Аха-ха-ха!

Все три женщины так громко расхохотались, что можно было подумать, их тут не три, а двенадцать. Один только Коппола молчал. В его глазах читалась жалость к бедному

Юре.

– Ну и что дальше? – спросила Гендель, у которой на глазах выступили слезы от хохота.

Но Галина Васильевна не могла дальше рассказывать. Пытаясь задавить смех, стала икать.

– Вот видите, Френсис, – Иквина достала платочек. – Вот о чем надо снимать. Вот вам идея. Вставьте в свой сериал. У вас там есть герой, которому вдруг в туалет приспичило?

– Что-то не припомню, – смутился создатель «Крестного отца». – Кажется, нет.

– Да ладно вам! Быть такого не может, чтобы за сто серий никому в туалет не захотелось!

И вновь приемную заполнил дружный женский хохот.

– Вы не волнуйтесь, Френсис. Никуда не пропадут ваши серии. Как только Румянцева их прочитает, мы сразу все до бумажечки вам вернем.

– Мне не надо возвращать сценарии. – Коппола опять посмотрел на часы. – Читайте сколько угодно. Мне необходимо, чтобы с ним ознакомилось ваше руководство и высказало свои намерения относительно размещения сериала на канале. Какова эфирная политика? Мнение о прочитанном хотелось бы узнать. Апоков сделал запрос, чтобы перед тем, как ехать сюда, мы обязательно переслали сценарии. Первые пять или шесть серий. Мы так и сделали. А теперь я хотел бы получить вразумительные ответы.

Коппола с грустью посмотрел в окно. Дело двигалось к

сумеркам. Он сильно утомился за этот день, поскольку еще до Шаболовки пришлось сделать несколько визитов. В перерыве между встречами его джип неизменно попадал в автомобильные пробки. А теперь он целый час прождал Апокова, который, как теперь выясняется, вряд ли приедет. Тем не менее отказываться от планов было уже поздно. Отмашка по поводу съемок была дана, и первая, «пилотная» серия в хорошем темпе уже снималась...

– Видите ли, Френсис, – продолжала Иквина с тенью участия в голосе. – Вы у нас человек новый и поэтому не знаете правил. Прежде чем принять решение, мы сначала отсматриваем «пилот». Вы принесли «пилот»?

– Нет. Не принес. Не принес по той причине, что он еще в производстве. Как видите, мы идем на риск. Снимаем не на видео, а на киноплёнку. Съёмки каждой серии нам обходятся в четыреста тысяч.

– Четыреста тысяч чего? – опять оживилась одна из сидящих в углу. Это была Катя Гендель.

– Долларов, разумеется. Я привык оперировать понятными мне единицами.

– Четыреста тысяч! Господи, на что только такие деньги тратят! – воскликнула Гендель. – Да за такие деньги можно целые хоромы отстроить на Николиной горе! У меня брат как раз в строительной фирме работает. Хотите я вас познакомлю? Вот визитка. Будет у вас в Подмоскowie дом. А он вам, как американцу, скидку сделает...

– А как же сериал? – улыбнулся Коппола.

– Подумаешь, одной серией меньше! Никто и не заметит. Зато у вас будет свой дом на Николиной горе.

– Да нужен ему твой дом? – вмешалась в разговор Вранович. – Ты так говоришь, как будто ему жить негде. Если уж вкладываться, так лучше в колбасную линию. Вот возьмите. – Она протянула визитку. – От киносериала сыт не будешь, а колбаса, она всегда хорошо уходит. Всего-то нужно восемьсот тысяч... Ваших две серии.

– Девочки, успокойтесь! – остановила их Иквина. Она хорошо помнила инструкцию Апокова насчет Копполы: «Гони ты его. Эти люди даже не понимают, что такое «откаты». А намекать уже надоело». Тем не менее услышав про цифры, которые американцы собираются потратить на каждую серию, решила еще поприветствовать гостя. Взгляд ее упал на портфель, с которым пришел режиссер. «Интересно, а сколько у него там с собой? Эх, огреть бы его сейчас чем-нибудь, например, вот этим графином... Жалко, воспитание не позволяет».

– А почему бы вам не снять этот сериал совместно с нами?

– Как это совместно с вами?

– Обыкновенно. Так многие поступают. Это накатанный путь. Вы переводите деньги на счет канала, а мы ставим вас на зарплату. И вместе снимаем. Вы – режиссер. Я – редактор. Катя, скажем, директор. А Танюша – сценарист.

– Сценарист? Сценарий уже написан. – Коппола достал

коробочку с витаминами. – И администраторы у меня, разумеется, есть. И операторы, и редакторы, и специалисты по компьютерной графике, и все кто угодно.

– Ну вот, – вздохнула Иквина. – Обычная беда всех людей, приходящих на телевидение. – Еще сами не успели закрепиться, а уже целую ораву за собой готовы протащить... Ладно, Френсис, все с вами ясно. Тем не менее у меня есть другое предложение. А почему бы вам не вложиться в те передачи, которые уже идут в эфире? По крайней мере то, что в эфире, – это уже одобрено Апоковым и Леснером, проверено временем, надежно. «Диалоги о рыбаках» Алексея Гусина, например? Не видели?

– Нет.

– А-а, но это потому, что рано утром идет, вот и не видели. А профинансируете, так мы ее в прайм-тайм переведем... Ну, хорошо, а вот есть такая – «Ушами младенца» Буревича... Тут бы деньги оченьгодились. Ребеночка вашего отснимем. Есть ребеночек?... Или вот еще что – «Кто выше подпрыгнет» называется. Не видели?

– Видел. – Коппола действительно вчера совершенно случайно наткнулся на эту передачу, когда включил телевизор в гостиничном номере.

– Вот, тем более что видели. Понравилось?

– Извините, пожалуйста, за откровенный ответ. Нет. Это не в моем вкусе.

«Э-э, да он еще и не толерантен – подумала Иквина. – На

телевидении так не отвечают».

– Ну, вам не угодить, Френсис... А-а! Как же это я за-
была! Мы над новогодней рок-оперой начали работать. Это
вам наверняка пришлось бы по душе. Знаете, как называется
рок-опера, которую мы готовим? – произнесла она с зага-
дочной интонацией.

– Как?

– Ни за что не догадаетесь... «Иисус Христос»!

– Да-да. – Великий режиссер закашлялся. – Ни за что бы
не догадался. – Он сделал еще одну попытку дозвониться до
своих коллег по мобильному телефону, но связи опять не
было.

– Что означает это ваше «да-да»? Предварительное согла-
сие?

– Нет. Согласия я не давал.

– Гм... Не хотите, значит... Про Иисуса Христа... Так,
может, вы и в Христа не верите?

– Галя, да хватит тебе вола за яйца тянуть, как японские
дипломаты! – вдруг встрепенулась Вранович, отрываясь от
кроссворда. – Не видишь, что ли, его ничего, кроме соб-
ственного сериала, не интересуется: ни Христос, ни колбасная
линия. Скажи ему прямо, что если деньги на счет канала не
переведет, пусть ищет эфир где хочет! Только имейте в ви-
ду, господин Коппола, на Первом канале и на ТВЦ вам то же
самое скажут, если надумаете туда податься со своим сери-
алом.

– Таня! Танечка! – Иквиной не понравилось, что Вранович слишком много на себя берет. – Давай так договоримся: если я веду переговоры, то ты рот открывать будешь только с моего разрешения. А когда ты будешь уполномочена, то я, прежде чем слово сказать, руку подниму. Так что сейчас помолчи, пожалуйста, договорились?

– А почему я должна молчать?! – Судя по всему, у Вранович невысказанного накопилось много, и отмалчиваться она не собиралась. – Тебе легко рассуждать, Галочка, у тебя теперь зарплата в полтора раза больше моей. Я на джипе на Шаболовку не езжу, как некоторые, – Она с ненавистью посмотрела на Копполу. – А если он думает у нас размещаться, то пусть прямо скажет, что мы с этого будем иметь! А то у меня эти замалчивания и полунамекы вот уже где! Надоело! Мы, в конце концов, в рыночном обществе живем или нет? «Кто выше подпрыгнет» ему, видите ли, не нравится... Еще «пилота» не принес, а уже критикует...

– Действительно, господин Коппола, – подключилась Катя Гендель. – Вы почему-то привыкли у себя в Америке относиться к нам, ну как бы это сказать, свысока. Я понимаю, что вы экономически превосходите нас, но это вовсе не означает, что наши специалисты хуже. Тем более, сами говорили сегодня, что будущее искусства находится здесь. Если бы я что-нибудь принесла размещать на ваш американский канал, то я бы считалась с вашими правилами. Потому что я знаю, что значит находиться в гостях. А вы, кажется, сегодня уже

об этом немножко подзабыли. Так что зря вы так резко про «Кто выше подпрыгнет». Просто некоторые передачи надо научиться правильно смотреть, и все. Еще неизвестно, что у вас получится с сериалом. Вы, конечно, опытный кинорежиссер, но телевидение – это не кино. Его надо уметь чувствовать.

В это время дверь в приемную открылась с таким грохотом, словно с обратной стороны подкатили стенобитную машину. В дверном проеме стояла женщина с бледно-зеленым лицом. Если бы Коппола бывал здесь и раньше, то наверняка знал бы и ее. В дверном проеме стояла Ольга Румянцева. Не поворачивая головы, одними зрачками Румянцева осмотрела всех присутствующих в приемной, а затем медленно двинулась к столу с таким видом, словно собиралась бросить гранату.

– Это ты мне эту макулатуру подсунула?! – наконец сказала она, обращаясь к Иквиной, и при этом швырнула на стол увесистую стопку бумаги.

Поскольку Коппола сидел за этим же столом, он узнал сценарий «Неизвестной России».

– Ты или нет? Говори!

– Что за тон, Оля?

Надо отдать должное Галине Васильевне. Она держалась спокойно и с достоинством.

– Что это за манера такая, дорогая моя, вот так входить, перебивать разговор и швырять бумаги? Между прочим, зна-

ешь, кто у нас сидит? Френсис Форд Коппола.

– Вижу, что Коппола, не слепая, – огрызнулась Румянцева. – Я про другое хочу спросить: почему ты решила, что я должна все это читать вместо тебя? Тебя ведь Александр Завенович сделал ответственной за спецпрограммы? Тебя или меня? Тебя! Вот и читай сама, а мне за это шоколадки не покупают. У меня и своего говна хватает. Не разгрести. И если ты решила на ком-то воду возить, то поищи, пожалуйста, другую лошадь! Здравсте! – Она быстро повернулась к Копполе, а затем вновь удавом уставилась на свою конкурентку.

Прошло примерно полторы минуты, прежде чем подружки, насытившись молчаливым противостоянием, вернулись к своим делам. Румянцева развернулась и ушла, еще раз очень громко хлопнув дверью. А Иквина, собрав бумагу в аккуратную стопку, ласково улыбнулась гостю.

– Ну вот. Я же говорила, что у нас ничего не пропадает. Вот они, ваши сценарии. Как прочитаем, обязательно скажем свое мнение. А когда «пилот» отснимете, передайте кассету Тане Вранович. Она посмотрит. Если «пилот» окажется хорошим... Ну что ж, тогда будем встречаться с Александром Завеновичем... будем думать.

– А почему, собственно, я должна смотреть? – проворчала Вранович. – Нашли крайнюю...

– Ну хорошо, тогда ты, Катя... Кать! Слышишь, что я тебе говорю?

– Обочина дороги. Пять букв. Первая «к», предпоследняя

«е», – не отрываясь от журнала, вслух произнесла Катя. – Ну, девочки, кто знает? Кто из вас машину водит?

– Вон, Коппола водит, – буркнула Вранович. – Вот он пусть и думает.

И три пары глаз устремились на режиссера.

– Кювет, – прошептал Коппола.

– Кю-вет. Подходит. Правильно! Молодец Коппола!

Как хорошо разгадывать кроссворды! Какое счастье сидеть над последней страницей газеты или журнала и морщить лоб в ожидании нужного слова, которое венчает мыслительный процесс, заполняющего кроссворд!

Мысль, она словно мышка в неосвященной комнате, а ты позабыл спички. Мысль сравнима с поклевкой в подмосковном пруду: сегодня есть, а завтра нет. В хаосе букв, цифр и фамилий, что накопил чердак человеческой памяти, рождаются мысли. Бегают, роются, нюхают и составляют ответ.

Деклассированные элементы общества! Семь букв. Первая – «о»... Правильно! «Отбросы».

Речь сумасшедшего. Четыре буквы. Вторая – «р»... Правильно! «Бред».

Трава из корзины зеленщицы. Пять букв. Последняя – «п». «Укроп».

Какая прелесть эти кроссворды!

А теперь пройдемся по вертикали.

Место взросления Иисуса Христа... «Назарет».

Наверное, такое же чувство испытывает человек, нашедший купюру на тротуаре ночного города. А может, охотник, подбивший тетерева. Или таможенник, протыкающий спицей подозрительный торт. Так и отгадыватель кроссворда ликует над отгаданным вдоль и поперек кроссвордом. Пусть же наградой ему станет следующий, пока еще не отгаданный кроссворд!

* * *

– Как прошли переговоры, патрон?

Они ехали втроем в одной машине: Френсис Коппола, его сопродюсер Глен Веспилски и молодой сценарист Рон Беренсон, который искал любую возможность для общения с уважаемым человеком. Сегодня Беренсон вел машину.

– Так как прошли переговоры, патрон? – Веспилски повторил свой вопрос.

– Я считаю, что все хорошо. Во всяком случае, полезно для меня, – с грустью произнес Коппола. – Они даже не читали сценарий.

– Как это не читали?

– А вот так. Не читали и все. Однако смею вас уверить, господа, это не имеет никакого значения. Даже если бы они его и прочитали, и выдали аттестацию в письменном виде, лучше бы не стало. А Рон, полагаю, здорово бы расстроился, поскольку это его самая серьезная работа в жизни. Нет ни-

чего убийственнее, когда тебе выдают письменную аттестацию, которая к делу никакого отношения не имеет.

– Что вы этим хотите сказать, патрон? – заволновался Беренсон. – Вы предполагаете, что аттестация была бы плоха?

– Нет. Наоборот, – вздохнул Коппола. – Наоборот. Они написали бы хороший отзыв. Приторно хороший отзыв. Неправдоподобно хороший отзыв. Но сказали бы при этом, что наш сериал не соответствует стилистике Российского канала или еще какую-нибудь уважительную чушь. Потому его и не разместят. Земекису в прошлом году они именно так и ответили. Дескать, его работы не соответствуют стилистике канала, но при этом уговаривали вложиться в какую-то передачу про нижнее белье. Как и мне сегодня ставили в пример «Кто выше подпрыгнет», и потом «Ушами младенца» некого господина Буревича. Так что ты не волнуйся, Рональд. Наш сериал все равно не разместят, а волнение – дело всегда напрасное.

– Так. А что Апоков лично сказал? – насупился Веспилски.

– Апокова не было. Я разговаривал с госпожой Иквиной, были еще Румянцева, Гендель, Вранович. Тебе знакомы эти имена?

– Нет.

– А теперь опять к тебе, Рон. – Коппола оторвался от пролетающего за окном городского пейзажа и, навалившись на спинку переднего сидения, строго спросил у сценариста-во-

дителя. – Ты когда-нибудь писал для Алексея Гусина?

– Нет, – растерялся Беренсон, – а кто такой Алексей Гусин?

– Ну хорошо, – продолжал Коппола, – а на Буревича работал?

– Я не знаю, кто такой Буревич, сэр! – смутился сценарист. – Я, конечно, выясню как можно быстрее, что это за фигура... Но... сами понимаете... раз не знаю, то не работал.

– Да ладно... Я и сам сегодня впервые услышал эту фамилию, – вздохнул Коппола. – Полагаю, что и Веспилски не знает, кто такой Буревич, и никто из нашей команды не знает. Так что дело не в тебе одном, а во всех нас... Сколько бы не было страшно признаваться самим себе, но признаться все-таки придется... Мы поспешили, когда начали работать над сериалом, не изучив чужих ценностей. Кажется, так гласит русская поговорка: не являйся со своим уставом в чужой монастырь.

Коппола опять повернулся к окну и закурил сигарету. Глен и Рональд переглянулись через кабинное зеркало – не к добру! Шеф давно уже не курил, поскольку берег себя для ответственной стосерийной работы и нередко об этом заявлял во всеуслышанье. А теперь закурил.

– Подожди, Френсис, мне кажется, ты не прав, – оживленно заговорил Веспилски. – Вернее, ты все излишне драматизируешь. Мы не являлись со своим уставом в чужой монастырь. Не являлись! Мы и не пытались их учить. Мы пы-

тались разместить на этом убогом канале хорошую работу. Я умышленно не употребляю слово «гениальную», поскольку ты этого слова не любишь. Но настаиваю на слове «хорошая». Это очень хорошая работа, Френсис. Я тебе даже не как продюсер, как искусствовед говорю. Времени рекламного мы у них не требуем. Денег от канала нам не нужно. Мы миссионеры, Френсис! Мы совершаем акт доброй воли. Более того, я готов дать взятку какому-нибудь Леснеру или Апокову, если они без этого не могут... Не обеднеем! И сериал-то наш «Неизвестная Россия» посвящен России в светлых перспективах... Так что я не понимаю твоего упаднического настроения, Френсис. Разместим мы этот сериал, в конце концов... Разместим!

– Нет. Не разместим, – твердо возразил шеф. – Не удастся. Видишь ли, ты употребил слово «миссионеры», Глен, и при этом утверждаешь, что якобы не собираешься никого учить. А миссионер, между прочим, это и есть наставник, только другого порядка. Общество морально неустойчивое, погибающее всегда испытывает необходимость в миссионерах, потому их и принимает, в то время как духовно сильному обществу никакие миссионеры со стороны не нужны. А теперь я тебе скажу, Веспилски, не как продюсеру, а как человеку, побывавшему со мной на Тибете... Шамбала в миссионерах не нуждается!

– При чем тут Шамбала?

– А при том. Я сегодня был на приеме довольно долго. Я

специально принял решение задержаться подольше, хотя в начале разговора мне хотелось побыстрее уйти. И вот какой я сделал вывод: мы имеем дело с глубоко религиозной организацией, Глен, про какие бы «откаты» тебе ни говорили. Я специально стал отгадывать кроссворд вместе с Екатериной Гендель и Татьяной Вранович. А пошел на это, чтобы повнимательнее за ними понаблюдать.

– Вы, шеф, разгадывали кроссворд?! – чуть не закричал Беренсон и машину качнуло.

– Следи за дорогой, парень, – осадил его Коппола. – А то не то что сериал... живыми отсюда не выберемся. Да. Я разгадывал с ними кроссворд. И, кстати, как отгадыватель проявил себя неплохо. Продолжая разговор, пытался поставить себя на их место, чтобы понять этих людей. Видите ли, благодаря моей известности ко мне давно относятся с уважением, особенно в творческих кругах. Иногда предо мной заискивают. Но на этот раз я уважения не встретил, словно в приемной парил дух человека, в тысячи раз более значимого, нежели я. Женщины обращались со мной, как со случайным посетителем, или даже нет, как с мальчишкой! Не поняв причины такого отношения, я внимательно всматривался в их глаза. Извините, что вам пришлось так долго меня ждать.

– Глаза, вы сказали глаза, – напомнил продюсер.

– Ну так вот. Глаза... Они полны религиозного огня, Веспилски! Подобные глаза я встречал в среде тибетских монахов – тех, что имеют доступ к находящимся в самате, а также

у мусульман-фундаменталистов, иногда у ортодоксальных христиан. А когда я вышел из ворот Шаболовки, то испытал то же самое, когда покидал буддийский храм в Катманду. Человек, который попадает на территорию посвященных, а потом возвращается назад, испытывает особенное чувство. Чувство просветления, что ли... Кроме того, на выходе наконец-то заработал мой мобильный телефон. В приемной же не связывал ни с кем. А такое бывало только в особых случаях.

– Подожди, не понимаю, к чему ты все это ведешь? – рассердился Веспилски.

Беренсону было поручено следить за дорогой, и он молчал, хотя и ерзал от незадаанных накопившихся вопросов.

– К чему я веду? – в свою очередь повысил голос Коппола. – А вот к чему я веду! Хрен мы получим, а не эфир, как говорят русские! Вот к чему я веду! И никакие «откаты» нам не помогут! Не помогут точно так же, как не поможет мешок с золотом, чтобы пройти в священные тоннели Кайласа. И сами пропадем, и мешок с золотом потеряется.

– Но вы же – Коппола, шеф! – все-таки не выдержал Беренсон.

– Да, мой мальчик, – с грустью в голосе проговорил режиссер. – Да, я Коппола. Но сегодня в первый раз за много лет понял, что я – всего лишь Коппола. А мы, по всей видимости, имеем дело с сильной религиозной организацией. Имя ей – Российский телеканал. Шаболовка – предме-

стве священного храма. Кстати, надо будет разобраться, случайны ли созвучия. Шаболовка-Шамбаловка-Шамбала. М-да... Шаболовка, значит, предместье храма... К эфиру допускаются только посвященные... В то время как мы даже не знаем ни кто такой Буревич, ни что такое «Диалоги о рыбаках». Мы поздно узнали значение слова «откат»! Не поинтересовались, зачем Апоков держал рамку перед лицом, когда вел беседу! Мы не знакомы с расхожими терминами и фамилиями, знание которых дает пропуск только на первую ступень лестницы Высшего разума, а выпрашиваем эфир, Веспилски!

Коппола замолчал, достал еще одну сигарету, и весь оставшийся путь думал о чем-то своем, глядя в окно.

– Если все это именно так... – Беренсон остановил машину, поскольку к отелю они уже подъехали. – Если все, о чем вы говорили... Если это религия... То кто же тогда у них Пророк?

– Да-да, – спохватился Веспилски. – Не может быть, чтобы не было Пророка. Кто у них Пророк? Ты спросил, Френсис?

– Нет. Не спросил, – махнул рукой Коппола. – Я испугался. В некоторых религиозных общинах такие вопросы задавать запрещено. Убить могут... Видели бы вы глаза Галины Иквиной...

Глава 2

Заказ для великого князя

Вот это да! Подобной рамки еще не выходило у Звяги-мастера. Подобной рамки он и сам представить себе не мог, когда искал подходящий молодой бук. Сколько дорогого дерева он перепортил, – страшно подумать! Ведь только в плотницкой поймешь – сучковатая получается доска или без единого изъяна, как требовал княжеский тиун. Сколько ложек, гребней узорчатых, ковшей и еще всякой полезной утвари можно было нарезать из ошибочно поваленных дорогих стволов! Но нет. Испорченное дерево у Звяги отнималось и увозилось, чтобы Звяга не отвлекался. Зато рамочка, наконец, получалась отменной. Рамочка для великого князя Владимира Красно Солнышко. Рамочка, которую в ту пору называли словом «скуфеть». Тысяча лет теперь прошло, как позабыто это слово.

Впереди оставалась ночь. О сне Звяга даже не помышлял и очень волновался. Утром должен был приехать сам тиун с княжескими дружинниками, чтобы принять работу. Две дюжины беспощадных глаз уставятся на новую княжескую скуфеть. Мастер поставил рамочку в угол потемневшей плотницкой, а сам отошел в противоположный, чтобы полюбоваться своим изделием издалека. Да. Завораживает. С рас-

стояния завораживает и запоминается, чего не хватало скуфетям, которые прежде заказывали воеводы, сотники и княжеские ближние люди. Все скуфети делались тогда резными и лучшими мастерами по дереву. И много искусных украшений было на скуфетях таких. И медведей изображали, и гречиху, и причудливую листву того же киевского бука. Но такой орнамент создать, чтобы не только вблизи взгляд притягивал, но и отличал скуфеть от всех других еще издалека, то под силу было – ветер знает какому умельцу. Говорят, только Звяга постиг истинные тайны орнамента, настоящий славянский художник. Только Звяга разумел секреты вареных красок как никто. И смотрелась теперь его рамочка-скуфеть и вблизи, и издалека радостно, торжественно, но вместе с тем – грозно, как и пожелал великий князь Киевский.

Звяга еще раз полюбовался своей работой, затем достал широкую полосу отборной бересты и повторил на ней всю скуфеть уже рисунком. Такого он раньше не делал, и никто из мастеров по дереву не прикидывал изделия на бересте никогда. Живая импровизация, да навык мастера, и никаких копий! Оттого не найти было на Руси ни двух одинаковых домов, ни двух одинаковых горшков, ни двух одинаковых щитов. Но эту скуфеть Звяга все-таки решил повторить на бересте, потому как большим трудом она ему далась, и еще чувствовал он, что это и есть венец его творчества. А когда повторил, то сразу легче стало на душе. Утром скуфеть все равно ведь станет княжеской и прикасаться к ней нельзя будет

под смертным страхом. В лучшем случае руку отрубали за прикосновение к скуфети. Не полагалось простому человеку иметь такую вещь.

Закончив рисунок, Звяга аккуратно свернул бересту, снес в подполье, и только сейчас вспомнил, что за весь день не ел ничего.

– Эх, поздно, – вздохнул мастер, глядя на ночное небо через маленькое окошко. – Поздно! – Ведь еще утром поставил силки на перепелов, а проверить забыл.

Есть, конечно, захотелось, да так, что желудок закрутило от голода, но уж больно страшно в такое позднее время идти в степь проверять силки на перепелов. Не зверя боялся Звяга, а боялся человека. Нет страшнее зверей, чем люди, которые прятались теперь в лесах и в высоких травах киевских степей. Были просто разбойного нрава детушки, которым это от роду прописано, но бежали в леса также и пленники, бежали битые княжескими мытарями чумазые пахари-мужики. Избы ветхие оставляли и также примыкали к разбойному люду. А еще были такие, что прослышали про нового бога, который должен был на Русь с небес спуститься и будто бы звали того бога – Езус. Всех главнее этот бог. И все идолы деревянные вроде бы оживут по пришествии Езуса, поклонятся ему и навсегда уйдут с Русской Земли. Не все хотели этого бога и, захватив все, что напоминало о любимых языческих покровителях, так же уходили в леса и степи, и так же, в конце концов, вливались в разбойный народ.

Поговаривали в тех лесах, что будто бы этот Езус долго мучился, прикованный на кресте, а теперь в отместку за свои страдания заставит всех тварей живых непременно страдать и страдания эти терпеть. А куда уж и без того терпеть бедному русскому человеку!

Нет. Не пойдет. Не пойдет этой ночью Звяга проверять силки на перепелов. Наверняка те силки уже увидели бездомные горемыки. Затаились неподалеку от силков и теперь ждут не дождутся хозяина, чтобы, незаметно подкравшись сзади, огреть дубиной или рубануть топором. Их тоже можно понять. С перепела какой навар? Только мяса чуток. А со Звяги и мясо, и льняная рубаха, и пояс, но самое главное – кожаные сапожки, которые однажды подарил ему княжеский тиун. Быстро стаптывается обувь у тех, кто проводит жизнь в дебрях, вот оттого ценность таких сапожек куда выше ценности человеческой жизни.

Звяга, смирившись с тем, что ночь придется провести в голоде, продолжал любоваться своей работой. С левого бока подходил – здорово! С правого бока подходил – хорошо! Потом лучину переставлял для разного освещения и опять радовался за себя и за свои мастеровые руки. Даже про голод забывал, когда пристально смотрел на рамочку-скуфеть. Однако после того, как уже налюбовался вдоволь, начали посещать мастера тревожные мысли. А что, если кто-то, помимо княжеских людей, к этому времени прознал, что Звяга готовит именно скуфеть, а? Конечно, уже знает кто-нибудь. Люди

молчат, но все видят. Видели, наверняка, как буковые бревнышки подвозились к его избе. Видели, как Тороп (так звали княжеского тиуна) сам неоднократно навевывался в деревню, но заходил только к Звяге. А ведь не будет такой человек как Тороп, ложки, черпаки и прочую ерунду заказывать. Наверняка уже догадались соседи, что на этот раз мастер режет что-то важное. А поскольку в последние дни много людей в леса сбежало, то слух про тайный торопов заказ как пить дать до разбойного уха дошел. А те только и ждут случая. Много чем уже разжились разбойные предводители: и конями, и секирами, и железными шлемами... Не было только у них скуфети, чтобы собрать всю голытьбу в единую грозную силу и повести за собой.

И вот сейчас, осознав, что теперь в доме у него находится величайшая ценность, а сам он при этом остается без защиты, Звяга так перепугался, что сразу, быстро затушив лучину и пройдя по скрипучему настилу, подсел к окошку, пристально вглядываясь в ночную степь.

Эх! Скорей бы теперь утро! Скорей бы теперь приехали княжеские воины и увезли эту опасную рамку из его дома!

Медленно идет время, когда хочешь, чтобы оно бежало быстро. Страшна знакомая степь и полоса орешника, что чернелась вдали. Звягина изба находится на отшибе. Собаки у него нет, до соседей не близко. Так что любой желающий, обогнув селение оврагом, может незаметно к звягиному дому подойти и стремительно появиться вон из той травы как

из-под земли. Прошлым летом во время набега чужеродных южных племен неприметность звягиного дома спасла хозяйина. Не позарился жадный глаз печенега на одинокую покосившуюся избу. С диким воем поганые проскакали мимо и грабили только те дома, что сбились в кучу. А теперь его пришибленный дом словно в клад превратился с появлением скуфети. «Эх, руки мои, руки, – вздохнул Звяга. – Погубите вы меня когда-нибудь».

Но пока тишина. Мерный стук цикады в летней горячей поляне. Крик полевой совы. Кое-где волчий вой. Кое-где кабаньих храп. Звяга вздрогнул... Нет, пустяки. Это крыса голодная в углу копошится. По стене насекомые шуршат. А в траве за окном сверкают звериные глаза. Но это все не страшно. Человек страшен. Внезапно сбоку, со стороны скопившихся деревенских домов, как бы подтверждая звягины опасения, показалась одинокая сторбленная фигура. У мастера чуть было сердце не выпрыгнуло из груди, но потом отлегло... Фигура-то одна. Пройдя по тропинке, человек остановился. Постоял. Потом повернулся в сторону людского поселения, поклонился и побрел дальше. Тропинка, по которой он шел, вела сначала в высокие травы, что разрослись перед самым звягиным домом, а потом спускала идущего в овраг, огибающий село и затем уводящий прочь от села. «Вот и еще один не стерпел, – посочувствовал Звяга. – Вот и еще одного одолела несносная жизнь и нескончаемые побои за неуплату долгов. Бросил все, видать, и подался к степным и лесным

укрытиям. А напрасно. Поступь его неуверенна, очень похожа на болезненную. Такую поступь в первую очередь учует и дикий зверь, и злой человек». Но не успел Звяга как следует погадать о судьбе путника, а заодно подумать о смысле собственного жития, как в овраге началась какая-то шумная возня, потом послышался звериный рык, а потом сдавленные человеческие крики. Вот оно что! Не разбойники в этот раз в овраге собрались, а волки! «Хорошо, что не пошел я в эту ночь проверять силки на перепелов!» Звяга, застыв, продолжал смотреть на траву, что навсегда скрыла бедолагу... Однако по поводу того, что происходило дальше, даже и слова вымолвить не посмел.

Дикий, неестественный, леденящий душу вой сначала pokrыл всю степь, а затем плавно перешел в музыкальные звуки. Послышались многочисленные хлопки, словно одновременно взлетела тысяча ворон. Из той самой страшной травы, что разрослась в человеческий рост напротив окошка, вышел седоусый приземистый мужичок в неведомом сверкающем одеянии. Мужичок остановился, улыбнулся, поклонился, и тут же перед ним появился огромный вращающийся блин. В одной руке седоусый держал черную грушу, которую все время пытался укусить, но все ж таки не кусал, а другой рукой производил странные движения, похожие на заклинания, после чего звезды на небе становились разноцветными и укрупнялись в размерах, а луна вдруг размножилась и превратилась в десяток лун. От каждой новой лу-

ны исходил широкий сноп света, освещая седоусого, а сам он расхаживал взад-вперед, словно расхваливал свой блин, и все пытался укусить черную грушу. Не успел Звяга как следует рассмотреть этого шамана, как седоусый куда-то исчез, а вместо него, но опять же с черной грушей в руке, появился толстогубый жид, окруженный маленькими детьми. Затем лицо у жиды вытянулось, изменилось, превратилось в другое лицо – лицо своего же соплеменника, а по левую и правую руку примостились огромный заяц и огромная свинья. К ужасу Звяги и свинья, и заяц о чем-то спорили и вели себя по-человечески. Затем к этой компании добавились говорящая собака и говорящий кот. Из-за музыки, шума и начинающейся круговерти Звяга не смог разобрать ни слова из того, что они говорили, да и не до того было. Понимая, что начинается светопреставление, Звяга приготовился к самому худшему и как-то обмяк. Жид с говорящими животными вскоре тоже исчез. Вместо него появились бесстыжие голые бабы, опять же кусающие черные груши. Стоило Звяге только моргнуть, как вся картина за окном тут же менялась: то трупы окровавленные лежали возле самого окошка, то мужики танцевали, переодетые в баб. И музыка, музыка, музыка!

– Матушка моя родная, да за что ж мне такое! – простонал Звяга и уронил голову на стол, который служил одновременно и верстаком бедному мастеру...

– Отворяй!

Судя по бешеному крику, это был уже не первый удар в дверь. Звяга поднял голову. Всей нечисти, что хороводила за окошком, как и не было. На дворе по-прежнему стояла ночь. А возле избы топтались и храпели кони.

– Отворяй! Мы знаем, что ты дома! Все равно двери вышибем, собака! Отворяй!

«То ли спал я, то ли в обмороке пребывал, – пытался разобраться Звяга, перебирая в памяти видения. Но тут же испугался другого. – А пока беспамятствовал, пришли разбойники и сейчас заберут скуфеть. Пронюхали, злыдни».

Еще раз посмотрев на рамочку, что красовалась в углу, Звяга поплелся к двери, как, наверное, пошел бы до плахи, и уже подумывал о том, какой дорогой будет уходить в лес после того, как разбойники заберут скуфеть. Не докажешь княжескому тиуну, что скуфеть силой забрали. А коли и докажешь, то все равно – или гнусу у болота скормят, или до смерти изобьют. «Ладно, потом придумаю, как уйти. Сейчас бы только живым остаться...»

– Отворяй, сволочь!

Не успел Звяга приподнять крюк, как дверь уже вылетела из проема, и ушибленный падающей дверью Звяга полетел на пол, еще раз больно ударившись головой. Тут же вокруг зажглись факелы. В избе стало светло как в полдень. Протерев глаза, первое, что увидел Звяга, – так это красный сапог возле шеи и пожелтевшую знакомую рамку, что висела на

поясе у стоящего над ним. Да. Так и есть. Над Звягой стоял княжеский тиун Тороп. А на поясе, на золотой цепочке висела его собственная торопова скуфеть, которую Звяга вырезал для княжеского любимца позапрошлым летом. Оглядевшись, мастер теперь понял, что вся его изба-плотницкая заполнена дружинниками. В свете факелов бликовали красные озверелые рожи.

На поясе у одного из дружинников также висела маленькая ольховая рамочка, незнакомая Звяге, и, судя по орнаменту, новгородской, муромской или еще какой-нибудь работы умельца с северных краев. Самого воина он также не узнал. По всему было видно, что это новый княжеский сотник.

Звяга приподнялся. Стоя на четвереньках, кое-как сотворил поклон, затем встал.

– Заспался я, Тороп. Не ждал, что явишься ночью. Ты вроде как утром обещал...

– Где скуфеть?!

– Да вон, в углу красуется, – еще раз поклонился Звяга.

Гомон в мгновение прекратился, и все люди, что находились в избе, как по команде повернулись к рамке. Мастеру показалось, что прошла целая вечность, прежде чем Тороп опять заговорил. А говорил он, не отрывая глаз от новой княжеской скуфети.

– Два дня как воеводу галицкого убили. Вот такие дела. И убили из-за скуфети. Охраны не побоялись, тати. Напали на лесной дороге, всех перерезали, а воеводину скуфеть с собой

увезли. Вот и поспешил я, чтобы и здесь беды не случилось. Работа окончена?

– Окончена.

– И мне тоже так видится, что окончена. Хорошая работа. Ничего не попишешь. Хорошая...

Звяга удивился. Чтобы вытянуть такую похвалу из Торопа, надо было действительно чудо сотворить.

– А не мастерил ли ты иных скуфетей тайно? – С этими словами Тороп резко повернулся к Звяге и уставился на него, не мигая, как змея. – Я вас, чумазых, насквозь вижу. Не прячешь ли? Говори!

– Да где ж я... Да когда ж я, чтоб ослушался, – заволновался мастер, вспоминая про берестяной сверток. Скуфети он самовольно, конечно, не резал, но очертания-то княжеской зачем-то на бересте повторил! Сохранил!

– А ну-ка, дружа. – Не отрывая глаз от мастера, Тороп обратился к сотнику. – Пошли-ка молодца в подполье! Пусть осмотрит.

Прошло еще некоторое время.

– Нет ничего там путного, – пробасил дружинник, вылезая из подполья с факелом, отряхиваясь от паутины.

– А что есть?

– Коренья какие-то есть, мыши есть да сверток бересты.

– Береста? Зачем та береста? – не отпускал Тороп.

– Огонь разжигать, – из последних сил соврал Звяга.

– Ну, смотри у меня.

Тороп кивнул сотнику. Тот отправил двух воинов к коням. Разложив принесенную медвежью шкуру, дружинники осторожно завернули в нее рамку и так же осторожно вынесли из избы. Пока Звяга дрожащими руками разжигал лучину, все ночные гости выходили во двор и усаживались на коней. В избе оставался только один княжеский тиун. Криво улыбаясь, он по-прежнему не спускал жестоких глаз со Звяги.

– Смотри. – Тороп указал на рамочку, что болталась на его богатом расшитом поясе. – А ведь когда ты для меня скуфеть резал, то вовсе не так старался, как для князя.

– И твоя скуфеть хороша, – поклонился мастер. – Делал на совесть. Только не было у меня еще той сноровки, как теперь. Да и дерево было не то.

– Не было сноровки, говоришь? – усмехнулся Тороп. – Ну да ладно...

И, огрев Звягу плетью, также вышел к ожидавшим его дружинникам. Затем вскочил на коня и поскакал, сожалея, что два года назад не выколол глаза превзошедшему себя умельцу.

Глава 3

Название для агентства

– Сережа, вы не могли бы написать рок-оперу?

– Чего?

Сергей Садовников очень удивился такому вопросу. Хотя по дороге на Шаболовку уговаривал себя ни единым вздохом, ни междометием не выдавать своего истинного отношения к тому, что эти люди скажут. Но сейчас, услышав про рок-оперу, все-таки вслух удивился и часто-часто заморгал. «Что с ними со всеми происходит? – думал, рассматривая короткую деловую прическу Ольги Румянцевой. – Обязательно что-нибудь такое предложат, что челюсть отпадет. Вот и эта Оленька, которая прекрасно знает меня много лет, как облупленного, знает мои возможности и амплуа, а спрашивает про рок-оперу. Вызвонила меня. Приперся я черт-те откуда... Неужели трудно было все это по телефону проговорить? А я ведь спрашивал... Не телефонный, говорит, разговор. Мутила, мутила воду.... Ну да ладно...»

– Ольга, ты же знаешь, я никогда не писал рок-опер.

– Да? А что ты писал?

«Да она с ума сошла! Нет. Не сошла. Притворяется».

– Что я писал? Рассказы писал, повести писал, могу сценарий для кинофильма написать или художественной пере-

дачи...

– Ну вот и хорошо. А я тебе предлагаю рок-оперу написать.

– Ты предлагаешь? – Он выделил слово «ты» и улыбнулся.

– Нет. Александр Завенович предлагает. – Интонации Ольги стали сухими и строгими, на которые переходили все апоковские редакторши, если упоминалось имя шефа.

– Апоков тоже хорошо меня знает. Не хуже, чем ты. И тоже должен понимать, что я могу, а что не могу.

– Какая тебе разница? – продолжала Румянцева. – Рассказы можешь. Стихи можешь...

– Стихи не могу.

– Ну хорошо. Рассказы можешь, повести можешь, а рок-оперу трудно?

– Ну, я..., – Садовников решил отвечать осторожно (а вдруг предложат еще и другой, более подходящий проект?). – Ну, я, конечно, могу положить слова на музыку, но только сделаю это хуже других по той простой причине, что я в этом не специалист. Если вам действительно нужна рок-опера, я бы на месте вашего Апокова...

– Тебе работу предлагают, глупый! – Ольга уже начала сердиться. – Где ты еще заказ на сценарий найдешь в дефолтные времена?! Мы говорили с Александром Завеновичем о тебе. И, как выяснилось, он ничего не имеет против. Он тебя простил, дурак! Не надо мне говорить «спасибо». Это ты ему скажи. Вот... простил, значит, и дает заказ на новогоднюю

рок-оперу. А ты: «никогда не делал». Кто же так отвечает: «никогда не делал»? Надо отвечать: «замечательная идея», «спасибо Александру Завеновичу», «могу», «хочу», и вообще «все время мечтал».

– Ну допустим, хочу... – Садовников был недоволен собой, поскольку допустил напряженность в диалоге, еще не до конца выслушав предложение от Апокова. «Черт его знает. В конце концов, на том уровне, на котором они работают, я и рок-оперу написать смогу. Ладно, на всякий случай соглашусь... Господи, в который раз честного человека пытаются превратить в халтурщика. Хрен с вами! Работаю под псевдонимом и делаю рок-оперу. Хоть какие-то деньги получу. А там... пусть засунут, куда захотят свою рок-оперу...»

– Согласен! – он улыбнулся. – Могу. Хочу. И берусь. Говори, что за рок-опера?

– Иисус Христос.

– Чего?! – Садовников аж подскочил, хотя только что пытался примирить себя с реальностью.

– Ничего! – крикнула Ольга – Иисус Христос! Ты почему подскочил? Нервный, что ли?

– Ты шутишь, Оля?

– Я не шучу. Только вот не понимаю, почему ты подскочил?

– А может быть, Александр Завенович шутит?

– Александр Завенович никогда не шутит, – сурово проговорила Ольга. – Он вообще, в отличие от некоторых, очень

серьезный человек. Он вот так вот не подскакивает, как некоторые. Он анализирует ситуацию и делает правильные выводы. И если он заказывает Иисуса Христа, значит, народу нужно Иисуса Христа. Тем более, сам понимаешь, на подходе третье тысячелетие. И на экране должен появиться Мессия, причем именно на нашем канале, а то, не дай бог, еще НТВшники идею спелят.

– Какую идею?! Ладно, извини... – Сценарист прикрыл глаза и представил ближневосточное лицо и добреющую фигуру Александра Завеновича Апокова. «Как же такое ему в голову пришло? И в каком состоянии он был? Да нет, не мог он в одиночку такое «нагенерить», КВНщик генетически неисправимый... Мог бы, конечно, только побоялся бы... Скорее всего, в этом вопросе сам Леснер его поддержал,... поддержал, а эти... типа Оли подпели в один голос: «Ах, гениально, Александр Завенович! Вот что значит опыт! Мы думали-думали, а придумали, как всегда, вы! Действительно, раз третье тысячелетие на носу, то пора бы, пора новому Христу появиться! Надо делать рок-оперу! Хрен ли нам Ллойд Уэббер? Лучше сделаем!»

– Ты, наверное, знаешь, Оля, что уже есть такая рок-опера Ллойда Уэббера?

– Знаю, но Александр Завенович сказал, что будем делать свою версию.

– Да, – миролюбиво продолжил Садовников. – Но на это надо как бы право иметь. Библейские материалы надо изу-

чать серьезно... И вопросы с духовенством уладить.

– Уладим, – жестко, по-менеджерски, отрезала Ольга Румянцева... – Александр Завенович по этому поводу собирается провести с протоиереями банкет.

– С протоиереями? Банкет? Хм, интересно... – задумался Садовников. – А известна кандидатура того, кто роль Христа исполнять будет?

– Известна. Филипп Болгарин.

– Что??!!

– Не «что», а «кто»! Ты что опять вскочил?! Сережа, ты какой-то нервный.

Садовников встал, взял папку и, ни слова больше не говоря, вышел.

– Зря я тебя вызывала, – услышал он вслед шипение Ольги Румянцевой.

– Зря ты меня вызывала, – прошептал сценарист одними губами в ответ.

В минуты плохого настроения, а оно почти всегда бывало таковым, когда он возвращался из Шаболовки, Сергей Садовников направлялся к своему другу Роману Руденко, опальному режиссеру и будущему светилу физики и химии бризантных взрывчатых веществ.

Романа Руденко выгнали с телевидения два года назад, когда он не выдержал и в сердцах плюнул в лицо Александру Апокову, выгнали и за два года не приняли работать ни на один телевизионный канал. «Не толерантен» – такой

приговор отпечатался на специальном интернетовском сайте, которым пользовались все «затусованные» телевизионные продюсеры. И, несмотря на то, что сами не ладили между собой, на этом сайте всегда соединялись их интересы. Они заходили на этот сайт, как непримиримые млекопитающие идут в засуху на водопой. У них был свой мир, отделявший их от «не наших» – таким образом продюсеры именовали лопухнувшихся сценаристов, режиссеров и целые фирмы, по наивности желающих получить полноценную рекламную кампанию или «пиар». Если специалист или фирма вели себя «плохо», то есть проявляли признаки недовольства после «кидалова», то с ними продюсеры по молчаливому единодушию дел больше не имели, заносили информацию на сайт с определением «не толерантен» и выходили на несведущих других. Благо, специалистов и рекламодателей всегда хватало, а «телевидение одно», как любил говорить Александр Заверович Апоков.

Романа Руденко два года назад Апоков прилюдно и торжественно обещал не обманывать, причем поклялся жизнью своих родителей, что заплатит за полугодовую работу. А когда, по своему обычаю не сдержал обещания и все-таки не заплатил, Руденко не выдержал и просто-напросто плюнул в доброе улыбающееся армянское лицо. Теперь и Сергею Садовникову угрожал приговор «не толерантен» после того, как он отказался писать оперу про Христа под апоковской редактурой. И растерявшийся сценарист, как всегда, ехал к

Руденко за советом, поскольку тот почти все знал о российском телевидении и знаменитом головном рекламном агентстве с удивительным названием «Видео Унтерменшн».

* * *

Название для рекламного агентства «Видео Унтерменшн» Михаилу Леснеру случайно подсказал немецкий режиссер-документалист Ханс Тарнат.

На заре рекламной деятельности Леснер еще сам занимался креативом и поэтому компилировал любые мысли и бренды, причем не особо вдаваясь в суть того, что умыкнул. В ту пору очень модным у продюсеров было говорить об услышанном так: «Да что ты? У меня была точно такая же идея. Надо же...» После чего идея кралась, и побеждал тот, кто быстрее мог ее реализовать. Правда, скорость воровства была выше скорости осмысления украденного. Ну да это мало кого волновало. В пору становления рыночной экономики и меняющегося сознания телезрителям нравилось все, поскольку телевизор считался истиной в последней инстанции. И продюсеры это хорошо понимали. Вот тогда-то Леснер и налетел на Тарната. Вернее, пригласил Тарната, именитого режиссера, который приехал поискать натуру для съемок в ближнем Подмосковье.

Просмотрев демонстрационную кассету с рекламными роликами, представляющими режиссерский уровень агент-

ства, среди которых Тарнат со сдвоенным удивлением обнаружил два своих, он долго не решался вслух дать оценку тому, что увидел. Он только поинтересовался, где же они набрали столько заказчиков.

– Места надо знать, – улыбался Михаил.

Незадолго до просмотра Леснер упрашивал Тарната привезти какие-нибудь западные видеоматериалы, однако безуспешно. «Какие?» – «Да любые вези». Потом просил познакомить его с зарубежными рекламодателями. Немец также отказался. Потом предложил Тарнату обменяться ручными часами в знак дружбы, но гость ответил, что его часы – подарок. И сейчас, после демонстрации своих роликов, Михаил думал, какую же выгоду можно получить от этого деликатного господина, и не столько потому, что ему нужна была эта выгода, а скорее из принципа. Михаил Леснер с юношеских лет не упускал ни одно живое существо, ничего от него не получив. Если бы Тарнат знал об этом, то дал бы Леснеру пять марок, и тот был бы доволен, а так приходилось продолжать не очень-то предметный разговор. Резко обрывать его и уходить было неудобно.

«Ладно, – думал Тарнат, – раз им так хочется заниматься видеосъемками, пусть снимают. По крайней мере, хорошо, что хоть людей не убивают, – и покосился на бульдожью физиономию своего собеседника. – Хотя кто его знает? Уж больно он какой-то всеядный...»

А вслух произнес:

– Что же, господин Леснер, если заказчики удовлетворены вашей работой, то можно за вас порадоваться.

(Не знал Тарнат, что большинство заказчиков уже разорились благодаря предложенным рекламным проектам, а другие безуспешно вызванивали Леснера по липовым телефонам).

– Сотрудничать будем? – приободрился Леснер.

Говорили они на русском. Ханс Тарнат владел русским свободно.

– Вы знаете, сейчас мы не готовы к совместной работе, – вежливо ушел от прямого ответа зарубежный гость. – Вот через некоторое время, когда у вас прибавится немножко опыта, а у нас возникнет необходимость более тесного сотрудничества с российскими фирмами...

– Что, неужели вам все у нас не понравилось? – насупился Леснер.

– Почему? Целеустремленность ваша понравилась, смелость восхищает... Девушки опять же в вашем офисе симпатичные...

– Так бы сразу и сказали, – сообразил Леснер. – Эй, Валька! – Он позвал секретаршу. – Хватит ногти грызть! А ну, иди сюда!

– Нет-нет, – смутился Тарнат. – Вы меня неправильно поняли. Я в другом смысле... Я выразился, как художник.

– Я тоже художник, – подмигнул ему Леснер. – И как художник знаю: что естественно, то не безобразно. Эй, Валька,

я кому сказал?! Да где она там? Кофе принеси гостю!

– Извините, – Тарнат отошел к окну и стал смотреть, как ворона клюет мусор. – Видео унтерменшн, – еле слышно произнес режиссер.

– Что вы сказали?

– Разве я что-то сказал?

– Сказали.

– А! Это я так..., о своем.... Хочу снять фильм, в котором слова героев составлены случайным образом. А логическое содержание тем не менее передается посредством эмоций и перепадов в фонетической энергетике. Дело тут не в смысле самих слов, но особым должен быть фонетический ряд. Видео унтерменшн! Красиво звучит?

Леснер согласился.

– Красиво.

– Нравится?

– Нравится.

– Ну, всего хорошего.

Тут он пожал руку Михаилу Леснеру и ушел, чтобы никогда больше не возвращаться.

А в это время рекламное агентство Михаила Леснера все еще не имело постоянного названия.

– Интересно... – Леснер, оставшись в одиночестве, ходил по кабинету, повторяя слова, которые застряли в голове. – Видео унтерменшн! Черт побери, знают немцы красивые слова! Интересно... Действительно, как ее, фонети-

ческая энергетика... Кстати, а что эти слова на самом деле означают? «Видео» – понятно что такое..., «меншн» – очевидно, что «люди»... А что такое «унтер»? Что-то военное... Кажется, маршал Жуков в свое время был царским «унтером»...

Леснер открыл русско-немецкий словарь...

– «Унтер» – означает «под». Ага! Значит, «видео под людьми», – продолжал он рассуждать вслух. – Смысл так себе... Но зато какая фонетическая энергетика! Прекрасно! Прекрасно! Вот и название для нашего рекламного агентства. Хоть что-то из этого Тарната да вытянул. И не «что-то», а целое название для организации! Да будет так!

Решив, что содержание все-таки удовлетворительное, Леснер восхищался теперь только красотой звучания «Видео Унтерменшн», тем более произнесенном Тарнатом на великолепно хох-дойче. (Да еще не забывал о том, что названия фирм с иностранным звучанием были в моде, так как указывали на «солидность» и «международность»).

– Вот оно, название фирмы! Вот оно!

«Видео Унтерменшн»! – и прогорают конкуренты.

«Видео Унтерменшн»! – и толпы заказчиков выстраиваются у медных ворот.

И вот уже тысячи набриолиненных пиар-менеджеров вышагивают под чеканный ритм слов «Видео Унтерменшн»...

И заключительный день Каннского фестиваля. Когда председатель жюри встает и объявляет: «Победитель – «Ви-

део Унтерменшн!» Вот оно!

Леснер уже не думал о Тарнате. За несколько минут он убедил себя, что сам придумал название.

– Ай да Леснер! Ай да сукин сын! – Михаил откупорил бутылку коньяка и тут же всю ее выпил. Сегодня было что праздновать. Название для рекламного агентства наконец-то найдено! Причем найдено раз и навсегда.

К этому времени уже был готов логотип организации. Дело оставалось за названием. А все его ближайшие коллеги: Гусин, Буревич, Эзополь и даже Апоков до сих пор, боясь ответственности, не решались что-либо предложить. Боялись, потому как знали, что Леснер мог название тут же принять на скорую руку, однако в случае неудачных последствий очень сурово накажет проявившего инициативу. Знали это. И все четверо поступили очень умно. Взяли, да и разъехались по командировкам в «стремный» период.

– Валя, зайди ко мне. – Леснер вызвал секретаршу. – Короче, я решил больше этих четырех козлов не дожидаться... (имелись в виду Гусин, Апоков, Эзополь и Буревич). Пиши! Название нашего рекламного агентства отныне такое – «Видео Унтерменшн».

– Михаил Юрьевич, это кто придумал?

– Я, – ухмыльнулся Леснер. – Не само же оно придумалось.

– Ой, как здорово, Михаил Юрьевич! – Секретарша всплеснула руками. (Она тоже не знала немецкого. А если

б и знала, то реакция была бы точно такой же) – Звучно! Красиво! Как будто с самого начала оно таким и было. Ой, я пойду сейчас Гале Иквиной расскажу!

– Я тебе расскажу! – осадил ее Леснер. – Я думал, значит, извилинами ворочал, а она сейчас побежит и расскажет! Сначала юриста вызвать. Запатентовать. А потом художникам дашь команду. И скажи этим дармоедам, что мне самому пришлось придумывать название! И чтоб не возмущались потом, если без зарплаты останутся.

В отличие от Леснера и Вали, художники сразу поняли смысл «Видео Унтерменшн». Удивились каждый про себя. Но, как обычно, возражать не стали. Во-первых, это было опасно, так как можно было просто-напросто с работы вылететь, а во-вторых, никто из высших «бонз», так же как и сама организация, сочувствия у них не вызывали. Они просто взяли листок с новым названием и честно подобрали фирменный стиль для этих двух слов.

Через несколько дней яркие буквы с логотипом украсили папки, фирменные бумаги, проспекты, щиты и титры нескольких телевизионных передач. Когда «четверо козлов» вернулись и начитанный Буревич охнул, понимая, в чем дело, менять что-либо было уже поздно. «Видео Унтерменшн» засело в головах у заказчиков и телезрителей.

– Ты где раньше был, сука?! – орал Михаил Леснер на поникшего Буревича. – Где ты был, когда такой важный вопрос решался? Мне-то было недосуг, а вот из-за тебя, раздолбая, такое вот название проскочило! Из-за тебя! Так и знай, из-за тебя! Куда ты ездил?

– К маме, – лепетал испуганный Буревич.

– К какой еще «маме»?! Я тебе покажу «маму», толстозадый хрен! И ведь мобильный, засранец, отключил. Специально отключил, чтобы я тебя вызвать не мог, так что ли?

– Это не я, это мама отключила, – съежился Буревич. – Я и не знал, что она его отключила.

Буревич специально часто апеллировал к маме, потому что так отвечать посоветовал ему Гусин. Он сказал, что сердце Михаила Юрьевича смягчается при слове «мама». Однако это было дезинформацией. Леснер не любил, когда апеллировали к маме. Оптимально было бы говорить: «Болен отец».

– А-а!! Мама, говоришь, отключила?! А ну давай мобильный сюда! – бушевал шеф.

Начиналось наказание.

– Сотовый, говорю, давай! Давай-давай, раз его твоя мама все равно отключает. И еще, два месяца без зарплаты работаешь! Понял? Пошел вон! Гусина позови!

Гусин, хоть и лучше подготовился к разному, но свое тоже все-таки схлопотал. Лишился портативного компьютера и секретарши. Эзополь, сославшись на болезнь, не пришел вообще. Однако, Апокову, который явился на ковер последним, удалось не только уйти от наказания, но и успокоить разбушевавшегося шефа. И в тот же день он стал вторым человеком в организации, поразив Леснера спокойствием и рассудительностью умозаключений.

– А мне нравится название.

– Что?! «Видео Унтерменшн»? Нравится? Ты знаешь, что оно означает?

– Знаю, Михаил Юрьевич. Кстати, кто его придумал?

– Да не помню. – Леснер смутился и почесал затылок. – Говорят, что режиссер Ханс Тарнат. Приехал что-то снимать в Подмосковье. Был у меня. Подсказал Вальке название, а та – художникам, ну и пошло-поехало. Вальку-то я выгнал. А художников пока нет.... Вот ведь подшутил, немчура поганый!

– Да хоть бы и подшутил. Мне все равно название нравится, – повторил Апоков. – Звучное такое, чеканное. Главное, что иностранное.

– А как же быть с теми, кто знает перевод?

– А они разве нам нужны? – удивленно поднял брови Апоков. – Их совсем немного – тех, кто знает, или тех, кто захочет понять перевод. Мы-то с другой клиентурой работаем. Я вот, например, до сих пор не знаю, как переводится «Менат-

эп». И никто не знает. А тем не менее самый богатый банк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.